

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья

УДК 82-1/-9. 161. 1: 801.73

doi: 10.17223/23062061/33/7

И.С. ТУРГЕНЕВ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ РАБОТЫ НАД ОБРАЗОМ БАЗАРОВА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРЕДАКТИРОВАНИЯ БЕЛОВОГО АВТОГРАФА РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

Вячеслав Михайлович Головко¹

¹ *Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
vmgolovko@mail.ru*

Аннотация. Противоположные интерпретации социально-философского романа Тургенева «Отцы и дети» в литературной критике 1860-х гг. и в академическом литературоведении последующего времени, как правило, подкрепляются апелляцией к метапоэтике писателя, по-разному определявшего своё отношение к главному герою произведения. Анализ авторских интенций, фиксируемых на уровне правки и саморедактирования белового автографа романа, позволяет выявить логику в работе Тургенева над образом «отрицателя» Базарова.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, творческий процесс, художественный текст, смыслообразование, текстологический комментарий, историко-литературный комментарий, редакции литературного произведения, авторедактирование писателя

Для цитирования: Головко В.М. И.С. Тургенев на завершающем этапе работы над образом Базарова (на материале авторедактирования белового автографа романа «Отцы и дети») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 115–136. doi: 10.17223/23062061/33/7

BOOK PUBLISHING

Original article

IVAN TURGENEV AT THE FINAL STAGE OF WORK ON THE IMAGE OF BAZAROV (ON THE MATERIAL OF THE SELF-EDITING OF THE FINAL AUTOGRAPH OF THE NOVEL *FATHERS AND SONS*)

Vyacheslav M. Golovko¹

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, vmgolovko@mail.ru

Abstract. The ambiguity of Turgenev's statements about his work on the image of Bazarov, fixed in the writer's metapoetics, is explained by the fact that he "dreamed of a figure ... tragic", "half-grown from the soil", the character conceived by him as "still standing on the eve of the future", "self-broken", endowed with the features of a "Hamletizing Don Quixote". An analysis of the laws of meaning generation in the novel, which are revealed when considering the logic in the writer's work on the image of the "denier", provides additional material for the textual and historical-literary commentary of the work. A.I. Batyuto, substantiating the concept of the canonical text of *Fathers and Sons*, rightly emphasized that, when preparing the novel for magazine publication (1862), Turgenev eliminated many details that portrayed Bazarov in an unfavorable light and restored or re-created those that emphasized the truly typical in the image of a Raznochinets-Democrat. This Turgenev's intention, realized in his work on the image of Bazarov, is fixed by the system of editing and self-editing of the final autograph of the novel. Correcting the text in accordance with the ideological concept, Turgenev removed the epigraph, which limited the problematics of the novel to social issues and did not sanction the depiction of the character's ontological drama. The writer made significant changes to the characterization of Bazarov's attitude to art: he removed associative links with discussions about the "usefulness" of art from D.I. Pisarev's pretext articles and direct statements about Bazarov's "misunderstanding" of art, and strengthened the idea of the character's negative attitude towards the theory and practice of "disinterested art", and of his deep understanding of the connection between artistic creativity and spiritual activity with all other spheres of society. By editing the final autograph, the writer sought to emphasize the generalized nature of the perception by "new people" of the two main forms of knowledge – science and art. A correction was made aimed at exacerbating the ideological conflict between the Democrat Bazarov and the Liberal Kirsanov, at substantiating the fact that the nihilist character is the spokesman for the "needs" of the people and "their aspirations". Emphasizing Bazarov's self-sufficiency, his ability of self-realization, Turgenev, while finalizing the text, actualized the idea of action as a way of a human's attitude to the world. In a number of cases, the writer abandoned lexical means that created the connotation of authorial irony in relation to the protagonist, more clearly expressed the desire to avoid rhetoric when characterizing

and describing the life goals of a character of this type, realizing that the image of a positive character is “the most difficult” in the writer’s work. A few corrections in the depiction of Bazarov’s illness and death are significant. Turgenev sought to organically connect the picture of the character’s death with the semantic field of the novel’s finale and its main motif of “endless life”. The pattern in the self-editing of the final autograph of *Fathers and Sons* was manifested in the elimination from the text of everything that would reduce Bazarov in the reader’s perception, in the strengthening of the positive principle in the character and appearance of Bazarov as a type of a public figure of the era, and in the actualization of the existential content of the philosophical connotations of the novel.

Keywords: Ivan Turgenev, creative process, literary text, meaning formation, textual commentary, historical and literary commentary, editions of literary work, writer’s self-editing

For citation: Golovko, V.M. (2023) Ivan Turgenev at the final stage of work on the image of Bazarov (on the material of the self-editing of the final autograph of the novel *Fathers and Sons*). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 115–136. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/7

Хрестоматийный роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» на всем протяжении его существования во времени вызывал и вызывает по сей день разные оценки и интерпретации. Процессом научного постижения художественной философии писателя в обновляющихся социокультурных контекстах во многом определяется видение глубины этого классического текста. Многослойный роман Тургенева в парадигме философии литературы уже в эпоху Серебряного века концептуально рассматривался модернистской критикой и академической наукой, а в известном исследовании академика П.Н. Сакулина «На грани двух культур. И.С. Тургенев» [1] анализировался в свете натурфилософской проблематики тургеневского творчества. Однако в комплексном рассмотрении романа Тургенева как социально-философского по жанру (в его психологической жанровой разновидности) литературоведческая и образовательная практика определилась лишь после фундаментальных исследований Б.М. Эйхенбаума, Л.В. Пумпянского, Г.А. Бялого, Г.Б. Курляндской, Б.И. Бурсова, А.И. Батюто, П.Г. Пустовойта, С.М. Петрова, А. Гранжара и других учёных. Своего рода итог подвёл Ю.М. Лотман, который, рассматривая в произведениях И.С. Тургенева процесс демифологизации по отношению к романным схемам, указал на особенности собственной мифологии писателя – она осуществляется в корреляции трёх пластов сюжетологии тургеневского романа: современно-бытового (то, в чём Добролюбов усматривал «чутьё автора к живым струнам общества». – *В.Г.*), архетипического («вечное» в произведениях писателя, во многом обусловленное идеями статьи-речи «Гамлет и Дон-Кихот») и космического

(натурфилософский план, «отменяющий» два первых) [2. С. 728]. Такой подход позволяет объективно рассматривать порою взаимоисключающие концепции смыслопорождения в романе «Отцы и дети», что имело место как в момент появления произведения на страницах журнала М.Н. Каткова «Русский вестник» в феврале 1862 г., так и спустя почти сто лет (статья В.А. Архипова «К творческой истории романа И.С. Тургенева “Отцы и дети”», опубликованная в 1958 г. [3], и вызванная ею острая полемика (см.: [4. С. 611])). Как говорил сам писатель после появления в печати «Отцов и детей», его «били палками... с обеих сторон» [5. П. Т. 11. С. 351]¹. Даже в демократической критике изображение Тургеневым «детей» вызывало прямо противоположные оценки: от утверждения, что они «представлены в романе во всем своём безобразии» («Асмодей нашего времени» М.А. Антоновича), до признания, что «Тургенев не нашел ни одного существенного обвинения» против «молодого поколения» («Базаров» Д.И. Писарева). Но характер изображения «красивого, пленительного» Базарова как «провозвестника» нового этапа в демократическом движении, как «крупной, оригинальной личности» [5. П. Т. 10. С. 295–296] вызывал неоднозначную оценку даже у самого автора. И это было вполне закономерно: Тургеневу «мечталась фигура... трагическая», «до половины выросшая из почвы», герой мыслился им как «стоящий ещё в преддверии к будущему» [5. П. Т. 4. С. 381], как «самоломанный», надёлённый чертами «гамлетизирующего Дон-Кихота».

В.А. Архипов, изучавший «историю переработки» Тургеневым текста романа «Отцы и дети», которая продолжалась с сентября 1861 г. до января 1862 г., пришёл к выводу, что автор делал всё, чтобы было выполнено требование редактора журнала М.Н. Каткова: «...фигура Базарова» не должна была «производить впечатления апотеозы» [5. П. Т. 4. С. 295]. Исследователь использовал это высказывание Тургенева из его письма к Каткову от 1(13) октября 1861 г. с целью доказать, что писатель стремился не к объективности в изображении нарождающегося типа общественного деятеля новой эпохи, а к дегероизации Базарова: он якобы искал «точки касания между ним и Ситниковым», пытаясь «изменить соотношение сил Базаров–Кирсановы в пользу Кирсановых» [3. С. 153]. В этом он усматривал факт вмешательства редактора «Русского вестника» в творческий процесс Тургенева, акцентируя внимание на тех моментах, когда писатель вынужден был делать некоторые уступки Каткову, возмущённому тем, что Базаров «господствует безусловно надо

¹ Далее при цитировании в тексте статьи указывается серия С. (Сочинения), П. (Письма), том и страницы.

всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора» [6. С. 467]. Уместно вспомнить, что в 1862 г. в «Русском вестнике» Катков опубликовал несколько собственных статей антинигилистического содержания, в том числе посвящённых «Отцам и детям» («Роман Тургенева и его критики», «О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева)»). Резкая критика нигилизма осуществлялась в них с позиций введённого Катковым в журнальный контекст понятия «положительное начало»: «Прогресс возможен только там, – писал он, – где есть положительное начало, и чем крепче убеждение в нем, тем вернее совершается дело прогресса... дело жизни» [7. С. 108]. «Положительное начало» заключало в себе то, что, по мнению Каткова, составляло суть национальной, духовной самобытности русского народа, а базаровский нигилизм трактовался им как проявление антинародных, разрушительных сил в русском обществе.

В процессе анализа переработки Тургеневым «Отцов и детей», вплоть «до внесения последних поправок в издание 1862 года», В.А. Архипов приходил к выводу о наличии «антинигилистической тенденции» в этом произведении [3. С. 135, 140] и в духе советского тургеневедения середины XX в. «постепеновство снизу» и позиции социального эволюционизма писателя трактовал не как выражение идей демократического просветительства (см.: [8]), а как явление заурядного либерализма. Роман «Отцы и дети» он воспринимал как «политический», как свидетельство того, что «либералы заключили союз с реакционерами против революционных демократов» [3. С. 162]. Многоуровневость тургеневского романа не являлась в этом случае предметом литературоведческой рефлексии, в содержании произведения всё сводилось к «современно-бытовому», рассматриваемому (при всей внешней объективности) с антиисторических позиций, без дифференциации многообразных течений в русском либерализме середины и второй половины XIX в. В рецепции романа «Отцы и дети», ставшего эпохальным не только для русской, но и мировой литературы, оправдались слова ближайшего друга и критика Тургенева – П.В. Анненкова, без одобрения которого писатель не отдавал в печать свои сочинения: у Базарова «два лица, как у Януса, и каждая партия будет видеть только тот фас, который её наиболее тешит или который она разобрать способнее» [9. С. 110]. Итоги «разбора» того «фаса», который «тешил» автора статьи о «творческой истории политического романа “Отцы и дети”», его суждения о том, что Тургенев «на всем протяжении создания романа... колебался... между... двумя полюсами – рассказать правду в ущерб своей тенденции и провести свою тенденцию в ущерб правде» [3. С. 162], не подтверждаются данными текстологического комментария,

осуществлённого А.И. Батюто в процессе подготовки романа к изданию в академическом Полном собрании сочинений и писем писателя [4].

В процессе обоснования канонического текста «Отцов и детей» этот исследователь установил, что в сентябре–декабре 1861 г. Тургенев дорабатывал «парижскую рукопись» романа «Отцы и дети», представленную редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову, в соответствии с замечаниями П.В. Анненкова, но при этом вовсе не ограничиваясь его рекомендациями. В такой же мере неоднозначно писатель реагировал и на требования Каткова подчёркивать «пустоту и бесплодие» Базарова при внесении правки в текст романа [5. П. Т. 4. С. 303]. И если он в некоторых местах «психологически снижал проповедь передовых идей», т.е. пропаганду Базаровым «тезисов революционно-демократического просветительства» Чернышевского и Добролюбова (например, программное высказывание героя «Исправьте общество, и болезней не будет») (см.: [4. С. 578–579]), то делал это исходя из логики воплощения авторского замысла в изображении «трагической фигуры» «отрицателя», т.е. из стремления к тому, чтобы главного героя «сделать волком и всё-таки оправдать его» [5. П. Т. 4. С. 383]. Подводя итог анализа переработки Тургеневым «Отцов и детей», А.И. Батюто сделал вывод: «Характер Базарова... стал более суровым и волевым, а водораздел между благовоспитанными дворянскими «отцами» либерального толка и “волосатым” разночинцем демократом – более определённым и резким» [4. С. 582–583]. Имея в виду работу Тургенева над романом при подготовке его отдельного издания, осуществлённого в сентябре 1862 г., А.И. Батюто справедливо отметил, что «много, рисующее Базарова в невыгодном свете, было устранено Тургеневым, а многое другое, подчёркивающее подлинно типическое в образе разночинца-демократа, восстановлено или заново создано» [4. С. 588]. Подтверждаются ли эти положения исследователя анализом той внутренней логики, которая просматривается в работе писателя над образом Базарова на последней, завершающей стадии доработки белого автографа текста «Отцов и детей»?

Прежде чем обратиться к анализу результатов авторской интенции, необходимо отметить, что в 1984 г. П. Уоддингтоном был впервые опубликован «формулярный список» Базарова, находящийся в числе других подготовительных материалов к «Отцам и детям» в частном собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Здесь указаны в качестве реальных прототипов Базарова Н.А. Добролюбов, И.В. Павлов и, возможно, Н.С. Преображенский [10. С. 566]: на них ориентировался писатель в самом начале работы над произведением. Позже, в статье «По поводу “Отцов и детей”» (1869) Тургенев писал о том, что «высоко ценил» Добролюбова «как человека и

как талантливому писателю» [5. С. Т. 14. С. 99]. И всё-таки не случайно в научных и художественных интерпретациях образа главного героя тургеневского романа наличествуют порою прямо противоположные тенденции, берущие начало от критики 1860-х гг. Многие исследователи неоднократно подчёркивали противоречивость высказываний самого автора о Базарове, которые всякий раз могли быть объяснены вполне объективными причинами. В письме к А.А. Фету 6 (18) апреля 1862 г., т.е. в момент наиболее напряжённых дискуссий о романе, Тургенев признавался: «Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? *Я этого сам не знаю*, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вот тебе и тенденция! Катков распекал меня за то, что Базаров у меня вышел в апофеозе. <...> Вы упрекаете меня в параллелизме <...> но где он – позвольте спросить, – и где эти *пáры* (выделено И.С. Тургеневым. – *В.Г.*), верующие и неверующие? <...> Истина прежде всего» [5. П. Т. 4. С. 371] «Истина», о которой говорил Тургенев, с его точки зрения, была достижима только при «истинной свободе» творчества [5. С. Т. 14. С. 107]. В статье «По поводу “Отцов и детей”» писатель рассматривал роман как факт реализации «свободы в обширнейшем смысле – в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории» [5. С. Т. 14. С. 99, 108]. Во время работы над произведением он оставался верен своему эстетическому кредо: писатель должен обладать «способностью видеть *белое и чёрное* – и направо и налево...» (выделено И.С. Тургеневым. – *В.Г.*) [5. П. Т. 8. С. 200].

Этому принципу следовал Тургенев и на завершающем этапе работы над романом. В характеристику «отрицателя» Базарова вносились такие детали, которые говорят не о какой-либо тенденциозности в обрисовке главного героя, а о стремлении автора к «истине», о проявлении «истинной свободы» в изображении типа общественного деятеля 60-х гг. XIX в. Анализ такой работы писателя над образом Базарова фиксирует закономерность в формировании идейного содержания романа «Отцы и дети», позволяет разобраться в противоречивых высказываниях самого автора о его герое, а также внести дополнительные данные в историю рецепции произведения. Вопросы авторской доработки и правки текста «Отцов и детей» обстоятельно изучались вышеназванными учёными, но рассмотрение данных авторедактирования белового автографа, касающихся образа Базарова, в их логике позволяет в текстологический комментарий «Отцов и детей» вносить те наблюдения над процессом работы Тургенева, которые до сих пор не были отрефлексированы в специальной научной литературе и анализируются в системном виде впервые.

В процессе доработки текста «Отцов и детей» Тургенев снял уже в беловой автографе эпиграф: *«Молодой человек человеку средних лет: В вас было содержание, но не было силы. Человек средних лет: А в вас – сила без содержания. (Из современного разговора)»* [5. С. Т. 8. С. 446]. Почему писатель отказался от такого эпиграфа? Разумеется, не только по совету его литературных друзей. Во-первых, данный эпиграф воспринимался бы как автоаллюзия, воскрешающая в памяти небольшую поэму Тургенева «Разговор» (1845) и создающая смысловую параллель между диалогическим конфликтом этого произведения и «Отцами и детьми», где такой конфликт в принципе невозможен. Здесь весь роман «направлен против дворянства как передового класса» [5. П. Т. 4. С. 380], и автор не может находиться над «схваткой» [5. С. Т. 8. С. 240] героев. Но более важным является то, что такой эпиграф ориентировал бы на восприятие идейного конфликта поколений, т.е. ограничивал бы смысловое целое произведения первым слоем многоуровневого романа Тургенева: ведь в таком эпиграфе нет даже намёка на онтологическую драму героя, освещаемую во втором сюжетно-композиционном круге «Отцов и детей», без которой натурфилософская проблематика романа была бы утрачена. В результате этого на уровне герменевтического «предпонимания» идейное содержание отвечало бы жанровой норме «политического» романа, не выходило бы за рамки «социального реализма». Такого типа произведение ушло бы в небытие вместе с эпохой, его породившей. По этой же причине и в XXVII главе из слов умирающего Базарова о «силе, которая вся ещё тут, а надо умирать», Тургенев убрал следующую фразу: *«Вот уж точно, как говорил этот шут – как бишь его – Павел Петрович: сила без содержания!»* [5. С. Т. 8. С. 391, 477]. И дело не в том, что при отсутствии эпиграфа эта фраза утратила бы с ним предполагавшуюся ассоциативную смысловую связь, а в том, что ею локализовалась, даже упрощалась бы много-сложная художественная семантика образа Базарова.

В беловой автограф писатель внёс существенную правку, характеризующую отношение Базарова к искусству. Как известно, суждения тургеневского героя о «поэтах» и «химиках», о Рафаэле и Пушкине вызывали и продолжают вызывать критическое отношение к тургеневскому герою. Например, Г.А. Лопатин, один из идеологов революционного народничества, входящих в дружеский круг писателя, вспоминал, что, прочитав «Отцы и дети» в шестнадцатилетнем возрасте, почувствовал «любовное отношение Тургенева к Базарову», но его «волновал только один вопрос: почему для Базарова не существовало искусства? Разве материализм несоединим с любовью ко всему прекрасному?» [11. С. 394].

В VI главе после слов Базарова «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», сказанные в ответ на уничижительный отзыв Павла Петровича Кирсанова о «каких-то химиках и материалистах» [5. С. Т. 8. С. 219], в беловом автографе Тургенев снял следующий фрагмент текста: *«Если вы так строги к поэтам, то уж, разумеется, живописцам, музыкантам и прочим художникам от вас пощады ждать нечего?» – «Не о пощаде речь; я в них пользы не вижу. Другими словами»* [5. С. Т. 8. С. 449]. Казалось, писателю было бы важно подчеркнуть, что «шестидесятники», к поколению которых принадлежит Базаров, социальный прогресс связывали с развитием естественных наук, а потому искусство рассматривали исключительно с точки зрения «пользы», но Тургенев, снимая эту часть диалога персонажей, реализовывал две цели.

Во-первых, излишние комментарии Базарова противоречили бы сути ситуации: герой вовсе не намерен был исповедоваться перед «аристократией», «распространяться перед этим барином», он не был инициатором диалога и лишь «отрывисто и неохотно» отвечал на настойчивые вопросы Павла Петровича [5. С. Т. 8. С. 241, 245, 218]. Во-вторых, Тургенев отделил тем самым своего героя от утилитаристов позитивистского толка, лишённых объективности взглядов на духовную сторону человеческой жизни.

Эта тенденция усиливается следующей авторской правкой текста: во фразе Павла Петровича «Вы, стало быть, искусства вообще не признаёте» писатель убрал очень существенное с точки зрения художественной семантики слово «вообще» [5. С. Т. 8. С. 449]. Тем самым в каноническом тексте открывалась перспектива для рецепции одной из весьма значимых в характеристике Базарова идей в её более глубоком по смыслу содержании, нежели это может показаться при поверхностном прочтении произведения. Упрёки в адрес тургеневского героя по поводу предпочтения им «химиков», а не «поэтов» оказываются не столь безусловными и однозначными, как нередко это утверждается даже в научной литературе.

Оппонент Базарова тонко уловил связь его суждений об искусстве с отношением к существующему строю в целом: «Ну, а насчёт других, в людском быту принятых, постановлений вы придерживаетесь такого же отрицательного направления?» [5. С. Т. 8. С. 219]. «Допрос» Павла Петровича Кирсанова [5. С. Т. 8. С. 219] не случайно принял такой обострённый характер. Он понял, что Базаров искусство не отрицает «*вообще*», он имеет в виду те формы идеологии, в том числе и «поэзию», которые обеспечивают и поддерживают несправедливый и антинародный общественный порядок. «Нигилист» привлекал внимание к «общественным болезням» [5. С. Т. 8. С. 277], имея в виду состояние именно современного

социума. Базаров настаивал на том, что не существует «науки вообще», как и «искусства вообще», т.е. «бессознательного творчества»; его резкие оценки «искусства наживать деньги» объясняются глубоким пониманием того, что не может быть «чистой поэзии», что искусство всегда выполняет определённые социальные функции [5. С. Т. 8. С. 219, 245].

В X главе, где «словесная дуэль» между героями достигла своего апогея, Базаров не случайно непосредственно связал «толки об искусстве» как «бессознательном творчестве», т.е. такой «вздор», с игнорированием проблем народной жизни, которые требуют незамедлительного решения [5. С. Т. 8. С. 244–245]. Тургенев избегал откровенной тенденциозности в характеристике эстетических суждений Базарова, не отрывая при этом его оценки общественных ролей «порядочного химика» и «поэта» в современном обществе от общей философско-политической системы нигилизма. Но при этом подчёркивал, что данные оценки вовсе не объясняются его непониманием искусства или ортодоксальным отрицанием идеальных факторов, во многом определяющих социально-нравственный прогресс, развитие человека и человеческого общества.

Именно с этим связана правка текста в XV главе, где речь шла о реакции Одинцовой на отношение Базарова к искусству: «Она завела речь о музыке, но, заметив, что Базаров не признаёт *или не понимает* искусства, потихоньку возвратилась к ботанике...» [5. С. Т. 8. С. 456, 272]. В беловом автографе писатель вычеркнул слова «*или не понимает*», что существенно меняет смысл авторских характеристик героя. Удалив из текста резко снижающие общую характеристику Базарова слова о непонимании им искусства (см.: [5. С. Т. 8. С. 272]), писатель тем самым акцентировал внимание на главном в суждениях героя об искусстве: на отрицании героем «искусства наживать деньги» под прикрытием теорий «бессознательного творчества». Тем самым он предоставил возможность реципиенту адекватно воспринимать и оценивать реакцию Одинцовой на восприятие героем «музыки» или «поэзии». Существенной является и такая деталь: Одинцова в споре с Базаровым, отдающим приоритет содержательному потенциалу рисунка над словесным описанием какого-либо явления (XVI глава), не говорит в утвердительном плане об отсутствии у героя «художественного смысла»: «И так-таки у вас ни капельки художественного смысла нет?... Как же вы это без него обходитесь?» [5. С. Т. 8. С. 277]. Это именно вопрос, а не утверждение. То, что автор-повествователь нигде на протяжении всего текста романа не говорит о «непонимании» искусства героем, должно быть указующим знаком и для читателей, и для критиков, пытающихся разобраться в том, как и почему на самом деле оценивает искусство «отрицатель» Базаров.

Что же касается снятых в беловом автографе слов Базарова о том, что он в творениях деятелей искусств «*пользы не видит*», то тут необходимо иметь в виду следующий факт: типизируя образ разночинца-демократа, Тургенев с его обострённым чувством художественного историзма не мог игнорировать тенденции утилитаризма, которые имели место в демократической эстетике 60-х гг., в частности в «теории реализма» Д.И. Писарева. Критик, например, отказывал искусству в необходимом «количестве *пользы*» [12. С. 294, 476] и одновременно, солидаризируясь с Чернышевским, в статье «Посмотрим!» писал том, что «забота о музыкальных консерваториях, об операх, балетах, картинах и статуях», как и о других «потребностях второстепенной важности, развившихся у крошечного меньшинства сытых и разжиревших людей», «нелепа, отвратительна, неприлична и вредна» в условиях, «когда в обществе есть не только голодные люди, но даже голодные классы» [12. С. 450–451].

В свете таких внутренних ассоциаций текста романа Тургенева и демократической критики времени действия в этом произведении уже не покажется столь неожиданной отповедь медика Базарова на слова Павла Петровича Кирсанова о том, что он «не признаёт искусства»: «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя!» [5. С. Т. 8. С. 219]. То, что в окончательном тексте романа Тургенев не сохранил слова Базарова о том, что он «*пользы не видит*» в «живописцах, музыкантах и прочих художниках», объясняется его нежеланием непосредственно указывать на один из претекстов романа, на возможный источник подобных суждений героя.

Эти суждения непосредственно восходят к некоторым положениям статей Писарева «Пушкин и Белинский», «Разрушение эстетики» и «Посмотрим!». В последней критик, например, объяснял, почему «издержки и хлопоты... ни при каком направлении художественной деятельности не окупаются тем количеством пользы, которое может быть принесено» всеми видами искусства [12. С. 476–481]. В данном случае просматриваемый генезис суждений Базарова о «пользе» искусства не способствовал бы достижению критерия подлинной художественности. Тургенев в этом случае не оставил без внимания слова П.В. Анненкова о том, что в творчестве «близко... подходить к специальному явлению жизни – нельзя»: произведение должно отражать «мысль» прототипа, «а не слово, выражение, ухватку». А если последнее имеет место, то, подчёркивал Анненков, это – «*шলেখте реалитэт*... говоря совершенно по-гегелевски» (курсив П.В. Анненкова. – В.Г.) [9. С. 111].

«Мысль» Писарева отражается в «Отцах и детях», но не в виде «слов и выражений» из его указанных статей, а в общей концептосфере романа. Она находит выражение ещё и в том, что писатель, напомним ещё раз,

отказался от первоначального намерения показать Базарова человеком, «не понимающим искусства» [5. С. Т. 8. С. 456]. Писарев, на которого, безусловно, ориентировался Тургенев, характеризуя уровень эстетического развития героя, особо подчёркивал важность духовного совершенствования человека, что невозможно без «понимания искусства»: «Это был бы с нашей стороны нелепейший ригоризм и формализм, если бы мы вздумали браковать гениальную мысль на том основании, что она проведена в поэме или в романе, а не в теоретическом рассуждении, – писал он в статье “Реалисты”. – ...Мы твердо убеждены в том, что каждому человеку, желающему сделаться полезным работником мысли, необходимо широкое и всестороннее образование, в котором Гейне, Гёте, Шекспир должны занять своё место наряду с Либихом, Дарвином и Ляйелем» [12. С. 105].

Базарова можно было бы упрекнуть в преувеличении общественной роли естественных наук, в плохом знании живописи Рафаэля или поэзии Пушкина. Но совершенно очевидно, что Тургенев стремился донести до читателя мысль об отрицательном отношении героя к теории и практике «незаинтересованного искусства» и «науке вообще», о его глубоком понимании связи художественного творчества, духовной деятельности со всеми другими областями и сферами социально-исторической жизни.

Правкой в беловом автографе писатель стремился подчеркнуть обобщённый характер такого восприятия единомышленниками Базарова двух основных форм познания мира и человека, и не случайно во фразе героя «а наука вообще *для меня* не существует вовсе» из диалога с Кирсановым в VI главе он убрал локализирующие содержание его высказывания о науке слова «*для меня*» [5. С. Т. 8. С. 450], указав тем самым на типические проявления в умонастроениях и мировоззрении этого героя.

Обострение идейного конфликта Базарова и Кирсанова подчёркивалось Тургеневым. Так, в рукописи «Отцов и детей» в оценочные высказывания камердинера Прокофьяча, называвшего Базарова «живодёром» и «прощелыгой», была добавлена весьма характерная деталь: крепостной Прокофьяч, «аристократ не хуже Павла Петровича», всех «уверял», что Базаров «со своими бакенбардами – настоящая свинья в кустах» [5. С. Т. 8. С. 238, 452]. В антипатии к «волосатому» Базарову [5. С. Т. 8. С. 209] Кирсанов, в сущности, сравнился со своим же камердинером. Но примечательно, что в этом же фрагменте текста, где говорится о том, что слуги Кирсановых «привязались» к Базарову, «чувствовали, что он всё-таки свой брат, не барин», Тургенев внёс существенные коррективы: в первоначальном варианте фразы «привязались к нему, хотя он над ними *подшучивал*», писатель заменил глагол на более мягкий по своей эмоциональной окраске – «*подтрунивал*», исключив тем самым наметившуюся было

духовно-нравственную дистанцию между героем и крепостными Кирсановых [5. С. Т. 8. С. 452, 237].

На тех страницах рукописи «Отцов и детей», где воссоздавался спор непримиримых оппонентов о народе и об отношениях народа и демократической интеллигенции, тоже остались следы тщательной правки автором текста романа. Мимо этого аспекта творческой истории произведения исследователи пройти не могли. Так, А.И. Батюто, в частности, указал на то, что под давлением Каткова писатель «оттенил изображение безуспешной попытки героя найти общий язык с крестьянами» [4. С. 573–574, 579]. В то же время вывод учёного о том, что подобные «влияния» не изменили «общего “плана романа”» [4. С. 572], подтверждаются наблюдениями над направленностью правки, которую вносил писатель в беловой автограф. Тургенев, как это давно установлено, ко всем советам и рекомендациям друзей и критиков относился неодинаково: он принимал во внимание только те, которые соответствовали его замыслу, его творческим задачам. В спор Кирсанова и Базарова о народе в X главе писатель практически не вносил изменений. «Отрицатель» предстаёт здесь как выразитель «потребностей» народа и «его стремлений» [5. С. Т. 8. С. 243]. О своей близости к народу он говорит не с «презрительной» (по отношению к аристократу Павлу Петровичу, как было в первоначальном варианте), а «с надменной гордостью» человека, «направление» идей и мыслей которого «вызвано... народным духом» [5. С. Т. 8. С. 452, 244]. Даже небольшая правка, внесенная в диалог героев о народе, в содержательном отношении является весьма существенной.

Рассмотрим некоторые принципиально важные штрихи и детали. На упрёк Кирсанова в том, что «нигилисты» говорят с народом «и презирают его в то же время», Базаров в первоначальном варианте отвечал: «Что ж, коли он, *в теперешнем своём положении*, заслуживает презрения!» [5. С. Т. 8. С. 244, 452]. При доработке текста Тургенев снял указание на современное, «теперешнее», т.е. социально-историческое, положение народа, ещё находившегося в 1859 г. (время действия в романе) в крепостной зависимости. Окончательная фраза «Что ж, коли он заслуживает презрения!» [5. С. Т. 8. С. 244] изменила смысл высказывания Базарова: стало очевидным, что он возлагал ответственность за бедственное положение народа не только на самодержавно-крепостнический порядок, но и на сам народ. Он не идеализировал народ, чем очень выгодно отличался от Кирсанова с его либеральным народолюбием, проявлявшимся в лучшем случае в том, что «раз в месяц избавлял мужика от экзекуции» [5. С. Т. 8. С. 226].

В результате авторской правки подтекстная мысль о необходимости исторических инициатив народа размыкала локальный хронотоп романа, открывала взгляд Базарова в будущее, связанное с надеждами на поиски народом новых форм его социальной самоорганизации. Изменение такого же типа внёс Тургенев и в слова героя о том, что «самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли *поможет беде*, потому что мужик... рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» [5. С. Т. 8. С. 453]. Речь идёт о подготовке крестьянской реформы и о «беде» настоящего положения крестьянства. Писатель, подчёркивая, что Базаров рассматривает вопросы народной жизни, исходя не из проблем лишь сегодняшней ситуации, а в долгосрочной перспективе, внёс изменение в слова героя, существенно сместив смысловые акценты: «...самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли *пойдёт нам впрок...*» [5. С. Т. 8. С. 245]. В результате Базаров поставил вопрос не просто о свободе от крепостного права, т.е. о преодолении «беды» настоящего момента, а о необходимости коренного изменения самосознания народных масс и общества в целом.

Это в полной мере соответствовало представлениям самого писателя о том, что «нет никакого резона... насильственно вламываться в народную жизнь с чуждыми ему (народу. – В.Г.) принципами и теориями», народ должен «устраиваться сам», а дело «правительства» и «образованного класса... предоставлять ему только все необходимое» [11. Т. 2. С. 163]. Этим объясняется и то, что в беловом автографе Тургенев вычеркнул слова Базарова «*Мы не одни и народ не против нас*» [5. С. Т. 8. С. 453], потому что они обозначали бы наличие претензий «нигилистов» на их руководящую роль в развитии народной жизни, а это пришло бы в противоречие с идеей необходимости исторических инициатив самого народа. Вся правка диалога Базарова и Кирсанова о народе осуществлялась в свете представлений писателя о том, что «нужно не вносить новые общественные и нравственные идеалы в народную среду, а только предоставить ей свободу возделывать и растить те общественные идеалы и нравственные принципы, зародыши которых кроются в ней самой» [11. Т. 2. С. 163].

В целях акцентуации негативного отношения Базарова к либеральной идеологии, к «романтизму» и слабости воли его главного оппонента Тургенев при авторедактировании белового автографа нередко использовал выразительные средства и эмоционально-смысловые возможности экспрессивной лексики. Так, в VII главе, показывая критическое отношение Базарова к пиетету Павла Петровича перед английским аристократизмом и либерализмом, писатель в первоначальной фразе героя в адрес Павла

Петровича «Я уверен, что он не шутя воображает себя дельным человеком, потому что следит за *Timesom...*» заменил название влиятельной в Лондонском Сити газеты «The Times» на пренебрежительное «*Галиньяшка*», имея в виду газету либерального направления «Galignani's Messenger», которая издавалась Вильямом и Энтони Галиньяни (Galignani) в Париже на английском языке. В окончательном варианте «не шутя воображает себя дельным человеком, потому что читает *Галиньяшку*» первоначальная нейтрально-констатирующая деталь кардинально изменилась, приобретя иронически-оценочное качество [5. С. Т. 8. С. 450, 226]. Усиливая резкость базаровского осуждения Кирсанова за то, что он «жизнь поставил на карту женской любви» и в результате этого «ни на что не стал способен», Тургенев к словам «этакой человек – не мужчина», добавил: «не *самец*» [5. С. Т. 8. С. 450, 226]. В словаре Базарова появилось слово грубое, в данном контексте противоположное тому, что ассоциируется в понимании героя с «романизмом, чепухой, гнилью, художеством», но оно органично для речи «физиолога» и ярко подчёркивает глубокую чуждость ему социально-психологического облика Павла Петровича в целом [5. С. Т. 8. С. 226].

Часть вариантов текста романа, фиксируемая в беловом автографе, связана с характеристикой Базарова как «нового типа». В такой авторской правке просматривается определённая закономерность. Стремясь показать, что у Базарова все его высказывания и суждения не расходятся с делом, что он всё «пытает не словами, а делом», в отличие от «лишних людей», героев недавнего времени русской жизни, писатель вносил в текст соответствующие вставки. Так, попытки Аркадия Кирсанова объяснить «принципы» и особенности характеров «отцов» условиями их времени и воспитания, Базаров нейтрализует не только категориями нравственной модальности, но и ссылками на собственный опыт: «Воспитание? – подхватил Базаров. – Всякий человек сам себя воспитать должен – *ну хоть как я например...*» [5. С. Т. 8. С. 226, 450]. Вписанная в текст белового автографа ссылка героя на самого себя способствовала пониманию читателем того, что Базаров не манипулирует словами, что каждое его высказывание может быть подкреплено реальным фактом или поступком. В XXI главе Тургенев, указывая на самодостаточность, самоактуализацию героя, не случайно добавил в речь его отца слова о том, что, выбрав свой путь и формируя самого себя, Базаров ничего не «*тянул со своих родителей*» [5. С. Т. 8. С. 320]. «Дерзкую *самонадеянность*», а не «*самоуверенность*» героя, как было в первоначальном варианте, вынужден констатировать даже противник Базарова – Павел Петрович [5. С. Т. 8. С. 248,

454]. «Самонадеянность» – в данном случае, вопреки оценкам Кирсанова, это именно надежда на самого себя.

Обратим внимание на словесную нюансировку при работе писателя над образом Базарова. Дело Базаровых, придерживающихся «отрицательного направления», проявляется в реализации понимания того, что во имя будущего социального «строительства» «сперва нужно место расчистить» [5. С. Т. 8. С. 219]. Этим Базаров принципиально отличается от псевдонигилистов типа Ситникова и Кукшиной с характерными для их поведения побочными формами ритуала и культурной инсценировки (см.: [13]). Дистанцированность героя от пустословия подобных типов подчёркивалась в процессе доработки романа такой, например, правкой: в ответ на сетования Ситникова, что губернские женщины не понимают смысл того, о чём они говорят с Базаровым, в первоначальном варианте герой отвечал: «Да им совсем не нужно понимать *наши беседы...*», но затем множественное число в этой фразе Тургенев сменил на единственное: «Да им совсем не нужно понимать *нашу беседу...*» [5. С. Т. 8. С. 262, 455]. Казалось бы, небольшая деталь, но она изменила содержание высказывания очень существенно: писатель указал на то, что встречи и беседы героя с его «обезьянами» были единичными, а не систематическими. Или ещё пример: указывая на позитивистскую основу материализма Базарова, свойственную науке середины XIX в., Тургенев расширил спектр «силы ощущений», к которым герой сводит восприятие человеком мира. Благодаря вставке о том, что «*и честность – ощущение*», эта «сила» закономерно распространилась у естественника Базарова на сферу нравственности [5. С. Т. 8. С. 325, 465]. В XXVI главе писатель в сцену расставания Базарова с Аркадием Кирсановым, жизненные дороги которых принципиально разошлись, внёс релевантное дополнение в слова героя-нигилиста о трудной доле «отрицателей», которым по пути не с «мякенькими либеральными баричами», а с настоящими деятелями и борцами: «*Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замазает, да ты и не дорос до нас...*» [5. С. Т. 8. С. 475, 380].

Все отмеченные поправки, вставки, вычёркивания и подобное подчинялись одной цели – художественной типизации образа Базарова как разnochинца-демократа, т.е. воссозданию такого типа индивидуальности, который наиболее вероятно создавался общественно-историческими условиями периода обострения идейной борьбы в русском обществе конца 1850-х – начала 1860-х гг.

Авторская правка коснулась и тех фрагментов текста, где изобразительно-оценочными средствами выражалось в той или иной мере негативное отношение к герою. Но совершенно очевидно, что писатель

стремился ограничить, смягчить ауру негативизма. Так, показывая реакцию Базарова и Аркадия Кирсанова на приглашение Одинцовой приезжать в её имение Никольское (XV глава), первоначальный вариант «*“Нигилист”* только поклонился...» писатель заменил на «*Базаров* только поклонился...», исключив таким образом ироническую коннотацию этой фразы, которая создавалась взятым в кавычки словом «нигилист», т.е. в данном контексте – «чужим словом» [5. С. Т. 8. С. 456, 272]. То же самое наблюдается и в XXV главе, где «чужое слово» «нигилист» было заменено на «нейтральное» «неожиданный гость» [5. С. Т. 8. С. 471, 369]. В XVI главе Тургенев в авторской характеристике снял слова о «*сухом и одностороннем, но свободном и бойком*» уме Базарова, говорившие явно не в пользу этого героя [5. С. Т. 8. С. 459]. В XVII главе он значительно ослабил резкость проявления психологической реакции Базарова на собственное ощущение возникающей любви к Одинцовой. Если раньше эта реакция проявлялась в том, что с Анной Сергеевной он нарочито «*говорил отрывисто, почти грубо*», «*почти зло*», то в окончательном тексте он уже «*говорил нехотя*», «*преувеличенно резко*» [5. С. Т. 8. С. 460, 461, 285, 291]. Показывая борьбу влюблённого Базарова с самим собою, с собственным «романтизмом», писатель снял в окончательном тексте выражение крайне негативного проявления такой борьбы, когда его герой не только «грозил себе кулаком», но даже «*плевался*» [5. С. Т. 8. С. 287, 460]. В беловом автографе были вычеркнуты слова о Базарове как «*равнодушном и холодном*» человеке [5. С. Т. 8. С. 461]. Была внесена правка даже в такую, казалось бы, безобидную авторскую характеристику, как «*он никогда не лгал и не “сочинял”*»: писатель удалил слова «*не лгал*», потому что такое отрицательное свойство было в принципе не присуще этому герою [5. С. Т. 8. С. 460].

Противоречит ли таким проявлениям «невольного влечения» автора к Базарову [5. С. Т. 14. С. 99] тот факт, что при доработке текста он снял в беловом автографе два фрагмента, очень важных для, казалось бы, положительной характеристики мировоззрения и общественных устремлений Базарова? Во-первых, речь идёт о сцене посещения Базаровым имения Одинцовой (XV глава), где писатель убрал из текста, на первый взгляд, ценные сведения о герое: «*Всякое пошлое её (Одинцову. – В.Г.) отталкивало, а всякая сила её привлекала: в пошлости никто бы не упрекнул Базарова – а сила сказывалась во всём его существе: в резких чертах его лица, в его голосе, в самих движениях его длинных костлявых пальцев*» [5. С. Т. 8. С. 456]. Такое решение писателя объясняется «требованиями художественности» (Н.Г. Чернышевский): в том, что Базаров обладает «силой», читатель уже мог убедиться, и столь настойчивое повторение этого

мотива создавало бы ситуацию авторского «нажима», проявления тенденциозности в обрисовке героя, а в результате удаления этих строк из окончательного текста возможность такой ситуации была исключена. Но ещё более серьёзным и принципиальным выглядит отказ Тургенева от того фрагмента в диалоге с Одинцовой, где Базаров говорит о том, как он и его единомышленники представляют себе путь излечения от «общественных болезней», путь «исправления общества» [5. С. Т. 8. С. 277].

В беловом автографе автор вычеркнул следующие слова героя: *«Надо, разумеется, начать с уничтожения всего старого – и мы этим занимаемся помаленьку. Вы изволили видеть, как сжигают негодную прошлогоднюю траву? Если в почве не иссякла сила – она даст двойной рост»* [5. С. Т. 8. С. 456]. Казалось бы, такая метафора приоткрывала социальную суть нигилизма. Но, во-первых, подобная конкретика явно сужала бы смысл социального активизма Базаровых: ведь во время «схватки» с Кирсановым в X главе герой дал понять не только о первых шагах «расчистки места» для будущего, но и об отрицании всего того, о чём Павлу Петровичу и слово «страшно вымолвить» [5. С. Т. 8. С. 243]. Во-вторых, то, что «сперва нужно место расчистить», «уничтожая всё старое», Базаров уже говорил в том же самом диалоге с Кирсановым [5. С. Т. 8. С. 243, 456]. В-третьих, для писателя были гораздо важнее не прямолинейные высказывания Базарова, а выводы реципиента, которые он мог сделать самостоятельно, осмысливая характер деятельности «новых людей» на основе всей совокупности воссозданных в романе художественных картин. Отмеченная правка текста в этих случаях вовсе не является подтверждением факта редакторского вмешательства Каткова в творческий процесс Тургенева, а говорит лишь о том, что автор не только понимал, что изображение положительного героя – это «самое трудное» [5. П. Т. 12. Кн. 1. С. 39], но и стремился в своей работе избегать риторичности при характеристике и описании действий персонажа такого типа. Как писал Тургенев сразу после публикации романа в «Русском вестнике» о своём герое, «штука была бы неважная представить его – идеалом; а сделать его волком и всё-таки оправдать его – это было трудно...» [5. П. Т. 4. С. 383]. Отмеченная правка текста была конкретным выражением такой творческой позиции писателя.

Показательно, что практически не было правки тех страниц белового автографа и текста прижизненных изданий 1862, 1865, 1869, 1874 и 1880 гг., где ясно обозначилась философская ситуация романа (XXI глава) и где описывалась болезнь и смерть Базарова. Психологическому сгущению при изображении медитаций Базарова, осознающего «ничтожество» человека перед мирозданием, перед «вечной Изидой»

Природой [5. С. Т. 8. С. 323; Т. 7. С. 51], способствовала вставка о его реакции на то, что это «не смердит» [5. С. Т. 8. С. 465, 323] тем, кто перед лицом «глухой слепорождённой силы» Природы-Космоса [5. С. Т. 9. С. 120] не ощущает своё экзистенциальное одиночество. В отличие от них герой наделён трагическим осознанием того, что человек «сродни чему-то высшему, вечному – и живёт, должен жить в мгновение и для мгновения» [5. С. Т. 9. С. 121]. Некоторые из немногочисленных правок, внесённых в описание последних дней Базарова, в содержательном отношении были весьма значительными. Они усиливали впечатление того, что вызывало возмущение Каткова и восхищало Писарева: «даже... смерть» героя стала выражением его «торжества» [6. С. 469]. На попытки отца Базарова объяснить его болезнь «эпидемией», «заражением», которое можно «вылечить», герой, по сути, глядя смерти в глаза, сам себе ставит диагноз, «сурово и отчётливо» определяя его термином «*лиэмия*» [5. С. Т. 8. С. 476, 389]. В слова умирающего Базарова во время последней беседы с Одинцовой о том, что он думает, «как бы умереть прилично», Тургенев добавил: «*Всё равно: вилять хвостом не стану*», подчеркнув тем самым мощь натуры «*могучего*» героя [5. С. Т. 8. С. 477, 396, 476].

Однако особо следует отметить чрезвычайно важную для идейного звучания романа замену слов в последней фразе Базарова из того же завершающего диалога героя с Одинцовой. Эту правку Тургенев внёс в беловой автограф, повторив её затем во всех прижизненных изданиях. Первоначально это последнее обращение к Одинцовой выглядело так: «Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампу, и пусть она погаснет...». Слово «лампу» писатель заменил на слово «*лампаду*» [5. С. Т. 8. С. 488, 396], органично связав картину гибели Базарова с семантическим полем финала романа. Появление эмоционально-возвышенной лексики в языке героя чаще всего объясняют изменениями во внутреннем, духовном мире Базарова, переживающем испытание высоким чувством любви, открывающем для себя сложность жизни и то, что «всякий человек в своём роде художественное произведение» [5. С. Т. 8. С. 488]. Но в этом контексте символический образ светильника перед иконой связан не только с философией любви, но и с мотивом заупокойного песнопения «Со святыми упокой», где есть слова о «вечном примирении» – ключевые для философского финала романа «Отцы и дети». На этот источник финала романа впервые указал А.И. Батюто [4. С. 621]. Как справедливо отмечает И.А. Беляева, ключевая фраза концовок романов Тургенева обращает к необходимости «перепрочтения» всего текста [14. С. 7]. В «Отцах и детях» в результате такого «перепрочтения», раскрывается кардинальная идея романа: здесь каждый

персонаж показан как способный «любить и соединять себя с миром любовью». Это обеспечивает «надежду на “жизнь бесконечную”». <...> В основе гармонизации мира, когда из хаоса всех противоречий собирается космос содружества всего и вся, лежит сама природа человеческого сердца и та любовь, что в разной мере открыта каждому» [14. С. 13].

Подведём итоги. В системе работы автора над рукописью «Отцов и детей» правку белового автографа можно считать её завершающим этапом. Анализ изменений и добавлений, которые вносил Тургенев, работая над образом Базарова, даёт дополнительные аргументы для вывода о том, что писатель имел все основания сказать о своём отношении к герою: «При сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему “влечение, род недуга”...» [5. П. Т. 4. С. 382]. Но важно подчеркнуть, что авторские интенции при работе Тургенева над образом Базарова в их объективном значении могут быть отрефлексированы не столько на основании каких-либо оценочных высказываний даже самого писателя, сколько в ходе установления логики в его творческом процессе, которая обнаруживается в том числе и на этапе доработки текста произведения. Исследование данных авторедактирования белового автографа романа «Отцы и дети» позволяет установить закономерность в художественном раскрытии образа главного героя как типа индивидуальности, формируемого социально-историческими условиями времени активизации демократического движения и социальных реформ в России конца 1850-х – 1860-х гг. Эта закономерность проявляется в устранении из текста всего, что снижало бы образ Базарова в восприятии реципиента, и в упрочении позитивного начала в характере и облике Базарова как типа общественного деятеля эпохи. Одновременно усиливалось и экзистенциальное содержание философских коннотаций произведения. Подчёркивая в процессе правки белового автографа многие привлекательные личностные качества героя, глубину его понимания насущных проблем народной жизни, справедливость суждений о том, что подлежит отрицанию и что необходимо делать во имя «лучшей будущности России» [11. Т. 1. С. 383], писатель открывал перспективу торжества идей подлинного демократизма и гармонизации отношений между людьми и между человеком и «жизнью бесконечной» [5. С. Т. 8. С. 402].

Список источников

1. Сакулин П.Н. На грани двух культур. И.С. Тургенев. М. : Мир, 1918. 108 с.
2. Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования (1858–1993): История русской прозы. Теория литературы. СПб. : Искусство-СПб., 1997. 848 с.

3. Архипов В.А. К творческой истории романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1958. № 1. С. 132–162.
4. Батюто А.И. «Отцы и дети» [Подготовка текста, вариантов и комментариев] // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Сочинения : в 15 т. Т. 8. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 568–621.
5. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Сочинения : в 15 т. Письма : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР ; Наука, 1960–1968.
6. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М. : Худож. лит., 1983. 694 с.
7. Катков М.Н. Кое-что о прогрессе // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 10, Октябрь. С. 107–127.
8. Головкин В.М. «Постепеновство снизу» как выражение позиций демократического просветительства И.С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета: Научный журнал. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 8–17.
9. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу : в 2 кн. Кн. 1: 1852–1874. СПб. : Наука, 2005. 532 с.
10. Тургенев И.С. Подготовительные материалы к роману «Отцы и дети» // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 12. М. : Наука, 1986. С. 563–576.
11. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 1. 528 с.; Т. 2. 557 с.
12. Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. Т. 3: Статьи 1864–1865. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. 565 с.
13. Головкин В.М. Émancipée Кржечинская и Eudoxie Кукушина. «Призвание» А. Плещеева и «Отцы и дети» И. Тургенева // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 211–230.
14. Беляева И.А. «Отцы и дети» И.С. Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 7–14.

References

1. Sakulin, P.N. (1918) *Na grani dvukh kul'tur. I.S. Turgenev* [On the verge of two cultures. I.S. Turgenev]. Moscow: Mir.
2. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature: stat'i i issledovaniya (1858–1993): Istoriya russkoy prozy. Teoriya literatury* [On Russian literature: articles and studies (1858–1993): History of Russian prose. Theory of literature]. St. Petersburg: Iskustvo.
3. Arkhipov, V.A. (1958) K tvorcheskoy istorii romana I.S. Turgeneva “Ottsy i deti” [On the creative history of Ivan S. Turgenev’s “Fathers and Sons”]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 132–162.
4. Batyuto, A.I. (1964) “Ottsy i deti” [Podgotovka teksta, variantov i kommentarii] [“Fathers and Sons” [Preparation of text, options, and comments]]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete Works and Letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 568–621.
5. Turgenev, I.S. (1960–1968) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete Works and Letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Nauka.
6. Annenkov, P.V. (1983) *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Katkov, M.N. (1861) Koe-chto o progresse [Something about progress]. *Russkiy vestnik*. 35(10). pp. 107–127.

8. Golovko, V.M. (2017) "Postepenovstvo snizu" kak vyrazhenie pozitsiy demokrati-cheskogo prosvetitel'stva I.S. Turgeneva ["Gradualism from below" as a position of I.S. Turgenev's democratic enlightenment]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta: Nauchnyy zhurnal. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie."* 2(26). pp. 8–17.
9. Annenkov, P.V. (2005) *Pis'ma k I.S. Turgenevu: v 2 kn.* [Letters to I.S. Turgenev: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
10. Turgenev, I.S. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 563–576.
11. Petrova, S.M. & Fridland, V.G. (eds) (1983) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the memoirs of his contemporaries: in 2 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literature.
12. Pisarev, D.I. (1956) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literature.
13. Golovko, V.M. (2019) Émancipée Krzhechinskaya i Eudoxie Kukshina. "Prizvanie" A. Pleshcheeva i "Ottsy i deti" I. Turgeneva [Émancipée Krzhechinskaya and Eudoxie Kukshina. "Calling" by A. Pleshcheev and "Fathers and Sons" by I. Turgenev]. *Voprosy literatury.* 4. pp. 211–230.
14. Belyaeva, I.A. (2017) "Ottsy i deti" I.S. Turgeneva: roman o "vechnom primirenii" ["Fathers and Sons" by I.S. Turgenev: A novel about "eternal reconciliation"]. *Filologicheskii klass.* 3(49). pp. 7–14.

Информация об авторе:

Головко В.М. – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.M. Golovko, Dr. Sci. (Philology), professor, professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022;
одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 17.10.2023

The article was submitted 27.07.2022;
approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 17.10.2023